

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Личность Грозного и его дѣло.

I. Смерть Ивана.—II. Характеръ и темпераментъ Грозного.—
III. Познанія и умъ Грозного.—IV. Идеи и чувства.—V. Итоги
царствованія.

I.

С м е р т ь И в а н а .

Уже въ августѣ 1582 года, давая венеціанской синьоріи отчетъ о своей миссіи, Поссевинъ высказалъ убѣжденіе, что Московскому царю жить осталось недолго. Въ началѣ 1584 года обнаружились нѣкоторые тревожные симптомы: они взволновали весь дворъ Грозного. Тѣло Ивана распухло и начало издавать нестерпимое зловоніе. Врачи усмотрѣли въ этомъ признаки разложенія крови. По свидѣтельству Горсея, Богданъ Бѣльскій обратился къ астрологамъ: тѣ предсказали, что смерть царя наступитъ въ такой-то срокъ. Любимецъ Грозного не дерзнулъ сообщить государю это зловѣщее пророчество. Онъ только предупредилъ астрологовъ, что ихъ сожгутъ живыми, если предсказанія ихъ не оправдаются. Это было равносильно назначенію премии за убійство царя. Вотъ почему послѣ кончины государя многіе высказывали подозрѣніе, что онъ былъ отравленъ Борисомъ Годуновымъ и его сообщниками, которыхъ тотъ привлекъ къ выполненію своего честолюбимаго замысла.

Горсей описываетъ необыкновенную сцену, свидѣтелемъ которой, будто бы, былъ онъ самъ въ сокровищницѣ Грозного. Умирающій царь приказывалъ носить себя въ креслахъ въ палату, гдѣ хранились его драгоценности и любовался тѣми несмѣтными богатствами, съ которыми онъ вскорѣ долженъ былъ проститься. Однажды онъ пожелалъ, чтобы Горсей сопровождалъ его въ эту палату. Здѣсь онъ ве-

лѣлъ показывать себѣ различные драгоцѣнные каменья и языкомъ знатока объяснялъ своей свитѣ ихъ достоинства и цѣнность. Внезапно, взявъ въ руку нѣсколько камней бирюзы, онъ обратился къ Горсею. «Видишь, бирюза измѣняетъ цвѣтъ: она блѣднѣетъ. Это значитъ, что меня отравили. Камень предвѣщаетъ мнѣ кончину». Затѣмъ онъ приказалъ подать себѣ скипетръ изъ кости единорога. Какъ извѣстно, подъ этимъ именемъ былъ распространенъ въ то время рогъ нарвала: до самаго Паре и даже послѣ него, этой кости приписывались почти чудодѣйственныя цѣлительныя свойства. Вооружившись волшебнымъ скипетромъ, царскій лѣкарь начертилъ на столѣ кругъ: внутрь этой черты посадили нѣсколькихъ пауковъ. Насѣкомыя тотчасъ же околѣли; другіе пауки, оставшіеся внѣ круга, убѣжали. «Поздно», сказалъ Иванъ: «теперь меня не спасетъ и единорогъ...» Послѣ этого онъ опять занялся драгоцѣнными каменьями. «Взгляни на этотъ алмазь», вновь обратился онъ къ Горсею: «это лучший и драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ камней Востока. Но я никогда не цѣнилъ его по достоинству. Алмазь утишаетъ гнѣвъ и гонитъ сладострастіе; онъ даетъ человѣку власть надъ собою и цѣломудріе... Охъ, худо мнѣ.... Унесите меня.... Мы придемъ сюда въ другой разъ...»

Согласно свидѣтельству Горсея, 18-го марта 1584 года государю стало легче. То былъ именно, тотъ день, который указали раньше астрологи. Бѣльскій напомнилъ вѣдунамъ, что ихъ ожидаетъ: «День еще не миновалъ», отвѣтствовали тѣ. Принявъ ванну, Иванъ спросилъ шахматную доску. За нѣсколько дней до этого, по приказанію царя, по монастырямъ были разосланы грамоты отъ государя. Въ нихъ Иванъ просилъ пречестныя обители помолиться о его окаянствѣ; впрочемъ, тутъ же онъ самъ молилъ Бога отпустить монашествующей братіи всѣ ея прегрѣшенія передъ нимъ, государемъ... Эти документы сохранились въ цѣлости до нашего времени. Они доказываютъ, что, даже готовясь къ смертному часу, Грозный одновременно заботился какъ о спасеніи своей души, такъ и о достиженіи извѣстныхъ политическихъ цѣлей. Преданіе рассказываетъ, что передъ своей кончиною Иванъ проявилъ необыкновенную мягкость по отношенію ко всѣмъ окружающимъ. Своего сына Феодора онъ убѣждалъ царствовать благочестиво, съ любовью и милостью, избѣгать войны съ христіанскими государствами. Онъ завѣщалъ ему уменьшеніе налоговъ, освобожденіе заключенныхъ и плѣнныхъ. И, однако, при всемъ томъ, его порочная природа до конца не переставала выставлать свои требованія. Одер-

борнъ утверждаетъ, будто, въ своей похоти, умирающій царь посягнулъ даже на свою невѣстку Ирину, — ту самую, къ которой онъ постоянно проявлялъ истинно отеческую нѣжность.

Съ полной достовѣрностью мы можемъ установить только дату смерти Грознаго и нѣкоторыя незначительныя обстоятельства, которыя ее сопровождали. Царь пригласилъ Бориса Годунова сыграть съ нимъ въ шахматы. Онъ самъ уже началъ разставлять фигуры по доскѣ, какъ, вдругъ, почувствовалъ себя дурно. Спустя нѣсколько минутъ онъ уже хрипѣлъ въ агоніи. Такъ исполнилось предсказаніе астрологовъ. По волѣ Ивана, послѣ совершенія надъ нимъ предсмертныхъ обрядовъ онъ принялъ монашество. Названный Іоною, онъ оставилъ своему наслѣднику Θεодору царскій вѣнецъ, а Борису Годунову—государственную власть.

Таковъ былъ первый царь всея Руси, котораго я пытался изобразить въ своей книгѣ. Заклучая свой трудъ, я постараюсь нѣсколько ярче очертить образъ Грознаго. Предупреждаю впрочемъ, что его весьма трудно воскресить — вслѣдствіе окружающей его мглы и неясности прошлаго.
